

Глава 17. Свидание

Когда Ван Чи появился в лавке, Ван Синьлэй сразу почувствовал, что с ним что-то не так.

— Синьлэй, — с порога сказал Ван Чи с широкой улыбкой, — набери тех холодных напитков, что обычно покупает Сяо Чэньюй. Все, какие есть, я заплачу.

Ван Синьлэй весело закивал, достал большой пластиковый пакет и начал складывать бутылки.

— Брат Чи, а почему Сяо Чэньюй сам не пришёл?

С утра Сяо Чэньюй едва поднялся с кровати: ноги подкашивались, поясницу ломало, — стоило встать, чуть не рухнул на пол. Зато Ван Чи выглядел бодрым как ни в чём не бывало. Более того, уложив его обратно в постель, он ещё пытался «повторить».

Сяо Чэньюй наотрез отказался куда-то идти, он поднял шум, требуя, чтобы Ван Чи «возместил ущерб». После долгих уговоров тот сумел задобрить его только холодными напитками.

Но, конечно, рассказывать всё это Ван Синьлэю было ни к чему.

— Жара стоит невыносимая, — невозмутимо ответил Ван Чи. — Не захотел выходить из дома.

Повод выглядел вполне правдоподобно, и Ван Синьлэй без сомнений кивнул, продолжая укладывать покупки.

Ван Чи наблюдал за ним и вдруг спросил:

— Ты говорил, собирался тогда на свидание в город. В итоге сходил?

— Конечно, сходил! — оживился Ван Синьлэй, почесал затылок и, хихикнув, добавил: — Тогда Сяо Тан была моей девушкой, а теперь уже жена!

— Какое кино смотрели? Любовное или боевик?

— Любовное.

— Кроме кино и гончарной мастерской, куда ещё ходили?

— Больше никуда, этих двух дел на целый день хватило. — Он нахмурился. — Брат, а ты зачем это спрашиваешь? Ты же сам говорил, чтоб я тогда не рассказывал.

— Так, просто интересуюсь, — мягко улыбнулся Ван Чи, принимая из его рук пакет.

Ван Синьлэй взглянул на него внимательнее и вдруг понял, что именно показалось в его брате странным.

Его кузен сегодня весь сияет! Будто счастье с ним само за руку идёт.

Но ведь вчера женился-то он сам, а не Ван Чи?..

С этого дня Ван Чи стал куда больше времени проводить в постели. Иногда даже днём не вставал часами. А Сяо Чэньюй выглядел всё хуже: после того как две коробки презервативов закончились, тот и вовсе осунулся, словно хворал.

Сяо Чэньюй и без того был не слишком вынослив, а Ван Чи, казалось, обладал неисчерпаемыми силами. Порой и одной ночи им было мало.

Когда всё «снаряжение» кончилось, Ван Чи немного поутих и взялся за кулинарию — то куриный бульон сварит, то уху из свежей рыбы. Он откармливал Сяо Чэньюя до прежнего румянца и блеска в глазах.

Когда юноша снова ожил и повеселел, Ван Чи спросил:

— Хочешь съездить в город, развлечься немного?

Сяо Чэньюй, который уже изрядно устал сидеть взаперти, вспыхнул от радости:

— Конечно хочу! Давай завтра!

На следующий день Ван Чи снова завёл свой «Улин Хунгуан» и повёз Сяо Чэньюя в город.

Сяо Чэньюй знал посёлок плохо, не представлял, куда можно пойти, и потому полностью положился на Ван Чи. Тот только этого и ждал, поэтому направил машину прямо к кинотеатру.

Они приехали слишком рано — до начала сеанса оставалось ещё порядочно времени. Сяо Чэньюй, полный любопытства, оглядывался по сторонам, и Ван Чи предложил пройтись поблизости.

Через полчаса обе руки Ван Чи были заняты, в них оказалось по несколько пакетов.

В двух лежали вещи, которые он сам купил для Сяо Чэньюя — новая одежда и обувь. Всё остальное — сплошь импульсивные покупки самого юноши: мягкая подушка с приятной на ощупь тканью, яркие магнитики на холодильник, тарелки и чашки с красивыми узорами...

Разумеется, платил за всё Ван Чи.

Он только вздыхал и, покорно следуя за своим молодым хозяином, исполнял роль верного сопровождающего. Сяо Чэньюй тем временем взял в руки плюшевую морковку, радостно обернулся и спросил:

— А если купить это для Юаньбао? Мне кажется, Юаньбао понравится!

Ван Чи невольно рассмеялся... ещё и о пёсике не забыл подумать.

— Хорошо, покупаем.

Кинотеатр находился на третьем этаже большого здания, а первые два занимал главный супермаркет городка.

Ван Чи оставил все пакеты в камере хранения и повёл Сяо Чэньюя наверх, в кинозал.

Фильм выбрал Ван Чи — точнее, за него это сделал Ван Синьлэй. Обычная банальная мелодрама.

Шло лето, на экранах — юношеская история любви, и зрителей было немало: в основном выпускники, недавно закончившие школу.

Их возраст как раз самый подходящий для первых чувств: стоило героям на экране перейти от

слов к делу, как сидевшая перед ними парочка обменялась взглядом и тут же прильнула друг к другу.

Через щель между спинками кресел сцена поцелуя была видна во всей красе, подсвеченная огромным экраном. Ван Чи только покачал головой с лёгкой усмешкой.

Сяо Чэньюй лишь мельком взглянул на экран и сразу сжал губы. Даже в темноте кинозала Ван Чи заметил, как вспыхнули его уши.

Вот уж удивительно... теперь застенялся? Когда сидел на кровати, завернувшись в простыню, и твердил, что хочет на нём жениться, стеснение куда-то подевалось.

Ван Чи протянул руку и попытался взять его за ладонь.

Сяо Чэньюй дёрнулся, будто его ударило током, и быстро забормотал, запинаясь:

— Я-я-я всё равно не соглашусь делать в кинотеатре такие вещи! Тут камеры!

Ван Чи, решив подразнить, тихо спросил, наклоняясь ближе:

— Какие такие вещи?

— Ну... как в фильме! Не прикидывайся! — прошептал Сяо Чэньюй, бросив на него строгий взгляд. — Держи себя в руках! Сядь нормально!

Ван Чи выпрямился, откинулся на спинку кресла, будто послушно, — но через мгновение его рука всё равно нашла ладонь Сяо Чэньюя и крепко сжала её.

— Просто держу за руку, ничего больше. Не выдумывай, — прошептал он.

Сяо Чэньюй попытался освободиться — раз, другой — безуспешно. Щёки запылали, и он только выдохнул:

— Ладно уж...

Но вскоре пожалел, что позволил это сделать.

Всё выглядело невинно, просто переплетённые пальцы. Вот только большой палец Ван Чи никак не хотел лежать спокойно — он лениво скользил по его ладони, снова и снова, будто вычерчивал невидимую линию, и это движение слишком ясно напомнило Сяо Чэньюю один из тех ночных эпизодов, о которых лучше не вспоминать в кинотеатре.

Когда Ван Чи наконец отпустил его ладонь, то тут же взялся за пальцы — один за другим, мягко сжимая их от основания до самых кончиков, а потом снова скользя вниз. Его пальцы двигались неторопливо, настойчиво, будто изучали каждую линию, каждую тёплую точку кожи.

От таких прикосновений ладонь Сяо Чэньюя быстро вспыхнула жаром, а потом вспотела.

Движения Ван Чи были медленные, осторожные, но оттого ещё более мучительные. Казалось, будто лёгкое перо опускалось на кожу — то касалось её еле-еле, то давило чуть сильнее, снова и снова, проводя по самому сердцу. Всё внимание Сяо Чэньюя сосредоточилось на руках; дыхание сбилось, во рту пересохло, и думать о фильме уже не представлялось возможным.

Когда в зале зажётся свет и фильм закончился, лицо юноши пылало, словно его застали за чем-то запретным. Он мгновенно вскочил, рывком освободился от руки Ван Чи и сердито выпалил:

— Больше никогда не сяду с тобой рядом в кино!

Сказал и решительно направился к эскалатору.

Ван Чи догнал его и пошёл рядом.

— Почему? Я же ничего не сделал.

Сяо Чэньюй сердито пнул его по голени:

— Врёшь! Ты всё прекрасно сделал!

Ван Чи взглянул на него. Уши парня всё ещё были залиты румянцем. Он лишь тихо рассмеялся, ничего не отвечая.

<http://bllate.org/book/12345/1101763>